

ОНТОГЕНЕЗ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Виталий Калинин,
завсектором моделей
социально-экономического
развития Института
экономики НАН Беларуси,
кандидат экономических
наук, доцент;
vkalinkovich@mail.ru

Любая социально-экономическая модель развития региона представляет собой совокупность базовых принципов, целей, социальных институтов, а также механизмов, обеспечивающих функционирование и взаимодействие всех ее элементов. При этом исторический опыт демонстрирует, что каждая страна стремится сформировать собственную модель, базирующуюся на аутентичном синтезе национального своеобразия и соответствующих мировых практик, но без механического переноса или эклектического смешения.

Сейчас уже можно говорить о том, что в большинстве молодых независимых государств, образовавшихся на месте бывшего СССР, сложились своеобразные социально-экономические модели, которые можно охарактеризовать как преимущественно рыночные в сфере производства и в основном пока еще социалистические в секторе социального обеспечения, гарантированного государством. И если поначалу их сложно было подвести под какое-то из уже давно известных определений, что и породило идеи о трансформационной экономике, смешанной или переходного периода, то сегодня, по-видимому, наиболее удачным в этом плане будет термин «социально-рыночное хозяйство» (В. Ойкен, А. Мюллер-Армак, Л. Эрхард). Но следует иметь в виду, что постсоветские «социально-рыночные хозяйства» не схожи с немецким и не однотипны между собой, что позволяет говорить о белорусской модели, российской, украинской, армянской и т.д. А это, в свою очередь, означает, что у каждой региональной системы имеется своя институциональная парадигма, базирующаяся на общих принципах, но одновременно отличающаяся страновым уровнем технико-экономического развития, историческими традициями, социальными и национальными особенностями. Но в любом случае осознание национальных целей и ценностей, рассмотрение экономической системы как неотъемлемой, но не самодовлеющей части жизни общества, и признание человеческой личности в качестве «меры всех вещей» (Протагор), сосредоточие социальных

закономерностей и критериев оценки и управления должны быть основой национальной модели. О ее наличии свидетельствует тот факт, что социально-экономическое и политическое развитие конкретной страны в течение достаточно длительного периода (не менее 10 лет) демонстрирует некоторую стабильность ключевых параметров как результата неспецифической резистентности, определяя тем самым характер этой модели.

Несмотря на активную пропаганду в 90-х гг. прошлого столетия так называемых мейнстрим-направлений (кейнсианство, либерализм и другие теоретические конструкты с приставками «нео-» или «пост-»), неоклассические подходы не приживались на постсоветском пространстве, вследствие чего и начались разработки альтернативных национальных экономических моделей. Целый ряд своих и западных «советчиков» не учитывали, что в основе методологии любого «мейнстрима» лежало таргетирование западных ценностей (США и стран Западной Европы) и потому не содержалось «переходных» элементов для последующего экономического роста постсоветских стран.

Республика Беларусь в качестве социально-экономических перспектив посчитала необходимым формировать социально ориентированную рыночную экономику, способную удовлетворять общественные потребности, соблюдать баланс в региональном развитии, глубоко интегрироваться в мировую экономику, обеспечивать становление высокотехнологичного сектора, сохранять высокий уровень занятости в сочетании с организацией высокопроизводительных рабочих мест, обеспечивать национальную, в том числе экономическую и продовольственную, безопасность, и все это посредством эффективного сочетания механизмов рыночного и государственного регулирования.

Более чем тридцатилетнюю практику социально-экономического реформирования можно обозначить как «системно-эволюционную», что довольно точно отражает происходящие в Республике Беларусь изменения. Хотя оценки проводимой экономической политики, самым непосредственным образом влияющей на экономические параметры белорусского социума, даются самые разные, порой даже антонимичные. Но это лишь подтверждает мысль о том, что государство, во-первых, продолжает трансформироваться, а во-вторых, его институциональная среда постоянно нахо-

дится в состоянии «тирании альтернатив», а, как известно, чем сложнее система, тем больше наличествует оценок происходящего, шире спектр возможных вариантов развития, но и выше цена ошибки, что предполагает больше труда и времени для выбора оптимального решения.

В настоящее время белорусская модель хозяйствования предстает как единый, устойчивый, институционально оформленный, относительно автономный материально-общественный комплекс с взаимообусловленными процессами производства, присвоения и социально значимого потребления материальных благ, обеспечивающих целостность и функциональную дееспособность национальной экономики (Н. Герасимов, 1992). А в основе ее теоретико-методологических построений – многоукладность и социальная ориентация, позволяющие обеспечивать рост качества жизни населения на основе сбалансированного сочетания специфики национального характера белорусского этноса, сложившихся традиций и особенностей отечественной институциональной среды с преимуществами адаптированных к белорусским условиям рыночных принципов хозяйствования.

В политэкономическом плане современная экономическая модель Беларуси – это переплетение трех системообразующих оснований: рыночных механизмов, таргетирующего государственного регулирования и социальной устойчивости. При этом ключевая роль постепенно переходит к последнему из компонентов – социальной устойчивости, и это предопределяется тем, что, во-первых, человек продолжает оставаться непосредственным участником экономической деятельности по созданию и присвоению результатов труда, которые в условиях высокоинтеллектуального (высокотехнологичного) производства требуют крупных вложений в развитие человеческого капитала (образование, комфортные условия труда и отдыха, коммуникации и т.п.). Во-вторых, члены общества одновременно являются собственниками как факторов, так и итогов деятельности, что предопределяет их специфические интересы в процессе присвоения получаемых благ. В-третьих, все граждане – потребители благ, которые достаются им вследствие распределения и перераспределения. И последнее – экономические результаты постоянно ощущаются и за пределами экономики (посредством развития социальной сферы, состояние которой напрямую коррелирует с достижениями в экономике).

Накопленный за годы независимости опыт управления экономикой, анализ механизмов реагирования на внешние и внутренние вызовы, а также непредвзятый «разбор» кризисных ситуаций и мер по их преодолению содействовали постепенному совершенствованию применяемых методов и административных практик социально-экономического регулирования. Что и способствовало становлению в Беларуси достаточно уникального (по своим содержательным характеристикам) национального экономического ландшафта.

С момента приобретения независимости при формировании белорусской экономической модели были проигнорированы обычно предлагаемые в таких случаях теоретико-методологические подходы, принципы и механизмы экономической трансформации (ее крайняя форма – «шоковая терапия»), базирующиеся на либеральной модели макроэкономической стабилизации, выработанной Вашингтонским консенсусом (рекомендации МВФ и Всемирного банка): широкомасштабная приватизация госсектора, дерегулирование внутреннего рынка, либерализация финансовой сферы и внешней торговли, отказ от политики «мягких» бюджетных ограничений и расширение налогооблагаемой базы, усиление социальной направленности государственных расходов и т.д. – и все это без учета национальных культурных особенностей. Надо заметить, что «не такая» политика постоянно являлась раздражающим поводом для недружественных действий со стороны коллективного Запада в отношении Беларуси.

Сохранению экономической системой в нашей стране внутреннего единства, целостности, автономности и активности способствовали следующие решения, обеспечившие пруденциальность всем последующим социальным и экономическим трансформациям.

- Не проводя в начале 90-х гг. массового разгосударствления во всех основных отраслях экономики, удалось избежать масштабной потери производственных активов, сохранить важнейшие индустриальные мощности и рабочие места, особенно в таких экономических сферах деятельности, как сельское хозяйство и промышленность, где до настоящего времени формируется более 30% ВВП страны и занято около 33% всех ее работников.
- Поддержание, в основном административными методами, определенной пропорцио-

нальности между темпами роста потребительских цен на товары первой необходимости и доходами населения.

- Сохранение в государственной социальной политике основных элементов защиты населения, для чего около 45% расходной части консолидированного бюджета составляют расходы на оплату труда, выплату пенсий, стипендий, пособий и на исполнение государственных социальных стандартов.
- Обеспечение конституционного права граждан на труд как наиболее достойный способ обретения социального статуса. Проведение активной государственной политики в области занятости населения в целях обеспечения сбалансированности спроса и предложения на рынке труда посредством эффективного перераспределения рабочей силы между отраслями экономики, вовлечения в трудовую деятельность экономически неактивной части граждан, приоритетного предоставления государственных заказов предприятиям при условии создания новых рабочих мест. В особых случаях использовались административные механизмы поддержания избыточной занятости вплоть до прямого запрета на увольнение. Главным результатом белорусской политики занятости является постоянно снижающийся уровень безработицы: с 8,8% в 1996 г. до 4,5% в 2022 г.
- Такие публично-правовые образования, как предприятия государственной формы собственности (особенно градообразующие), признаны особыми субъектами экономической (хозяйственной) деятельности, и по отношению к ним на законодательном уровне установлен принцип предотвращения экономической несостоятельности и неосуществления процедур банкротства [1]. Речь идет о стратегических предприятиях, естественных монополиях, организациях, имеющих особо режимные и режимные объекты, а также исполняющих госзаказы. Это связано с той ролью, которую в белорусской экономике играют эти структуры, чьи результаты деятельности, платежеспособность и финансовая устойчивость значительно влияют на национальную экономику страны и в целом на ее социально-экономическую безопасность.
- В начале 90-х гг. прошлого века, определяя место Республики Беларусь в международном разделении труда, приходилось учитывать унаследованный внешнеторговый потенциал, то есть недостаток природных сырьевых ресурсов при наличии значительных материальных и интел-

лектуальных возможностей для вхождения в мирохозяйственные связи и участия государства в торговом сотрудничестве с другими странами в виде производства товаров и их последующего экспорта за рубеж. Для стимулирования внешнеторговой деятельности национальных субъектов хозяйствования применяются целевое субсидирование, льготное кредитование и страхование экспорта, налоговые льготы экспортерам, транспортное обеспечение, адекватная валютная политика, дипломатическая и информационно-консультационная поддержка экспортно-импортных операций, снижение импортных пошлин, отмена количественных ограничений импорта и т.п.

- Проведение адресной политики «мягких бюджетных ограничений» (Я. Корнаи, 1990) в отношении социально значимых (вало- и градообразующих) предприятий, а также осуществление эмиссионного кредитования агропромышленного комплекса и жилищного строительства, что позволяло сохранять на определенных этапах макроэкономическую стабильность, при этом не освобождая предприятия от необходимости реформирования.

Буквально с момента распада СССР Республика Беларусь вынуждена была проводить самостоятельную экономическую политику и фактически заново выстраивать социально-экономические отношения. Это не было одномоментным, простым и легким делом. Государству пришлось пережить ряд сложных, а порой и кризисных периодов, которые оказались очень болезненными для страны. Но именно в такие периоды национальная экономическая модель проходила подлинную верификацию на устойчивость к различного рода рестрикциям, вплоть до применения так называемого «консциентального оружия».

До 1991 г. экономика Беларуси оставалась одной из наиболее развитых в бывшем СССР, уступая лишь РСФСР и прибалтийским. При этом ее народнохозяйственный комплекс находился на завершающих стадиях производственно-технологических цепочек по созданию конечной продукции в обрабатывающих секторах основных общесоюзных отраслей, чем объяснялась чрезвычайно высокая интегрированность белорусского народного хозяйства с экономиками других бывших союзных республик. Но такая высокая концентрация конечных стадий общесоюзных производственно-технологических цепочек в одной республике означала для Беларуси,

что в случае возможного разрыва экономических связей с другими союзными республиками она могла обеспечить собственными ресурсами лишь 3,8% своего фактического конечного продукта, в то время как Россия – 64,6%, Украина – 14,8%, Казахстан – 27,1% [2].

Последующие события подтвердили, пусть и частично, правоту данного предположения: произошедший спад производства и инфляция, просчеты предыдущего этапа социально-экономической «перестройки» с неизбежностью привели народное хозяйство Беларуси к глубокому экономическому кризису. За 1992–1995 гг. ВВП (в постоянных ценах) сократился на 33,9%, а объем промышленной продукции – на 38% [3]. Экономическое положение в условиях свободного ценообразования усложнила проблема поставок топливно-энергетических ресурсов, металла, сырья из России, Украины, республик Средней Азии. Цены на них непрерывно росли, что вызывало многократное подорожание товаров и услуг. В таком же тяжелом положении оказалось и сельское хозяйство, в котором только начинали зарождаться рыночные отношения и частное (фермерское) предпринимательство. Буквально за 3 года (1992–1995) объем производства в агро-секторе снизился на 23% [3], наметилось сокращение поголовья крупного рогатого скота, ухудшилась материально-техническая база колхозов и совхозов. В то же время закупочные цены на сельхозпродукцию оставались крайне низкими и не покрывали затрат на ее производство.

В первой половине 90-х гг. резко снизился жизненный уровень населения республики. Кризисная ситуация складывалась на потребительском рынке. Жителям Беларуси выдавались специальные талоны для приобретения ряда промышленных товаров и продуктов питания. Тяжелой потерей стало обесценивание денежных сбережений. С 1992 г. фиксировался рост безработицы, достигший своего максимума в 1996 г. (8,8% от общей численности трудоспособных граждан) [4]. Другие макроэкономические показатели в это же время были не лучше: инфляция превышала 2000% (1994 г. – 2220,9%); общее снижение паритета покупательской способности (минимум в 1995 г. – 39,3 млрд долл.); падение ВВП страны в расчете на душу населения (минимум в 1995 г. – 3858 долл.) [4].

Последовательный экономический рост начался лишь с 1996 г., когда I Всебелорусским народным собранием (октябрь) были одобрены

Основные направления социально-экономического развития страны на 1996–2000 гг. В условиях почти полного прекращения предоставления республике западных кредитов (кредитование со стороны международных финансовых институтов возобновилось лишь в 2009 г.) рост экономики обеспечивался в основном за счет внутренних факторов и развития торгово-экономических связей с другими странами СНГ, прежде всего с Россией, с которой в 1995–1999 гг. был подписан ряд интеграционных документов.

К 2000 г. удалось превзойти показатели докризисного 1990 г. по объемам производства промышленной продукции, потребительских товаров, реальных денежных доходов населения. Можно сказать, что именно тогда начала получать практическое подтверждение правильность выбранной модели социально-экономического развития страны (табл. 1).

Особенно ярко продуманность белорусской политики в рамках избранной модели наблюдалась при сравнении социально-экономических показателей в 1990–начале 2000-х гг. с соседними Россией и Украиной. Так, в 1991–2009 гг. Беларусь лидировала как по темпам роста ВВП (7,2 пп. в 1996–2009 гг. против 3,8 и 2,4 соответственно), по степени занятости (самая высокая из трех государств), так и по уровню социального равенства: самый низкий – в диапазоне 0,244–0,272 – коэффициент Джини в 1996–2006 гг. (0,387–0,421 у России и 0,275–0,371 в Украине), находясь на одном уровне с этими странами по темпам роста производительности труда (13,1% против 13,2 и 11,8% в среднем за 1996–2006 гг.) [5].

В мае 2001 г. на II Всебелорусском народном собрании была утверждена Программа

социально-экономического развития до 2005 г., которая предусматривала интенсификацию инновационной и инвестиционной деятельности, увеличение экспорта товаров и услуг, эффективный и динамичный рост агропромышленного комплекса, жилищного строительства, усиление охраны здоровья населения. Программой были обозначены социально-экономические приоритеты на последующие пять лет: продовольствие, экспорт, жилье, инвестиции и инновации.

Весь последующий период закладывались основы современных социально-экономических отношений. В эти годы были созданы или получили мощный импульс основные отрасли народного хозяйства республики, налажены торгово-экономические связи с различными регионами планеты, а также сформирована специфическая модель производственной культуры на белорусских предприятиях. Благодаря восстановлению экономических связей, налаживанию кооперации и тесному сотрудничеству с бывшими союзными республиками, ставшими теперь уже зарубежными партнерами, белорусская экономика избежала деиндустриализации и сохранила привычную ориентацию на традиционные рынки.

Особую роль в становлении белорусской экономической модели сыграли и продолжают играть белорусско-российские отношения, закрепившиеся в создании Союзного государства, ставшего, по словам Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, «судьбоносным шагом, который не только укрепил стратегическое партнерство братских государств, но оказал огромное влияние на развитие процессов на всем постсоветском пространстве. Во многом благодаря Союзу мы не оказались на задворках мировых

и региональных интеграционных процессов» [6]. На сегодняшний день СНГ считается самым «продвинутым» интеграционным образованием среди бывших республик СССР, являясь определенным ориентиром для формирования аналогичных объединений. За период его существования реализовано 82 программы на общую сумму более 60 млрд росс. руб. [7]. В ближайших планах – запуск около полутора десятков инвестиционно-кооперационных проектов

Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
ВВП	90,4	92,4	88,3	89,6	102,8	111,4	108,4	103,4	105,8
Производство промышленности	90,8	90,6	85,4	88,3	103,5	118,8	112,4	110,3	107,8
Производство сельского хозяйства	91	104	86	95	102	95	99,3	92	109
Инвестиции в основной капитал	71	85	89	69	95	120	125	92	102
Розничный товарооборот (через все каналы реализации)	78	86	91	77	131	118	126	111	112
Индексы потребительских цен (в разах к предыдущему году)	10,7	12,9	23,2	8,1	1,5	1,6	1,7	3,9	2,7
Реальные располагаемые денежные доходы населения	81	99	79	87	118	102	119	97	120

Таблица 1. Динамика основных социально-экономических показателей Беларуси в 1992–2000 гг. (в процентах к предыдущему году). Источник: [3]

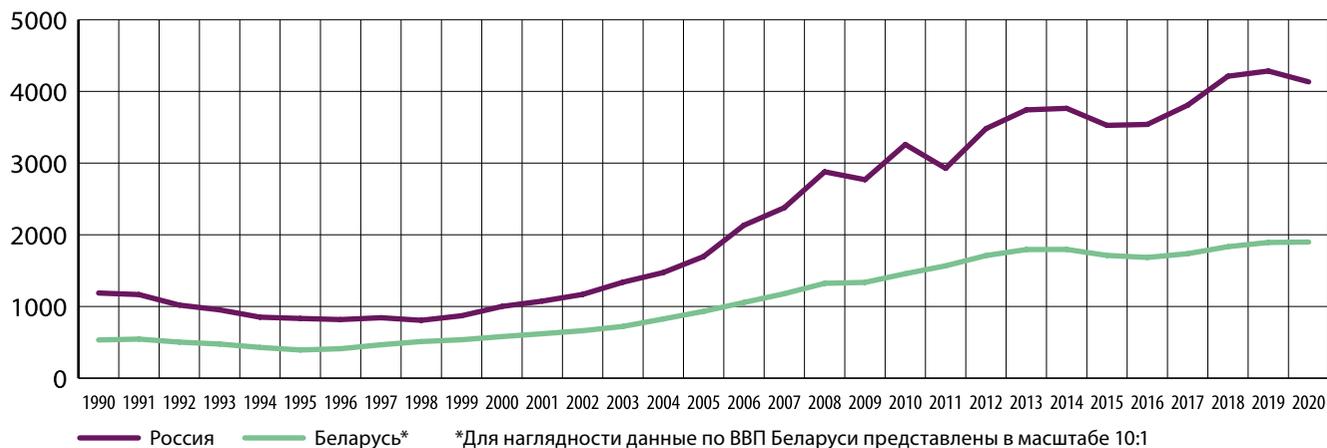

Рисунок. Динамика ВВП России и Беларуси по ППС, млрд долл.

в сфере машиностроения, что позволит нашим странам производить «...широкую линейку продукции – от высокоинтеллектуальных интегральных микросхем до карьерных самосвалов и сельхозмашин» (А.Г. Лукашенко, 2023).

Как уже отмечалось, особенностью социально-экономического развития в Беларуси был постепенный, «бесшоковый» переход к рыночным отношениям при активной регулирующей роли государства, что позволило ей плавно трансформировать сложившуюся в советское время структуру экономики и избежать социальных потрясений. Низкий уровень неравенства и безработицы, отсутствие «олигархов» сделали такую модель, которую иногда сравнивали со скандинавской, весьма привлекательной для населения, что сформировало своего рода негласный «общественный договор»: политическая лояльность в обмен на стабильное положение и постоянный рост благосостояния населения страны. Такая ситуация, по мнению ряда экспертов, сохранялась до середины 2010-х гг., когда под давлением внешних обстоятельств (череда глобальных, российских и национальных кризисов 2008–2009, 2011, 2014–2015 гг.) модель вынуждена была «переформатировать» свои алгоритмы в части перераспределения доходов в пользу поддержки государственного сектора, что неизбежно означало относительное снижение уровня жизни населения. В его основе лежало аналогичное ухудшение ситуации в России, с которой у Беларуси традиционно крепкие торгово-экономические связи, но у которой, с точки зрения мирового хозяйства, выше показатель «глобальной связности» [5] (рисунок).

Свою уникальность белорусская модель продемонстрировала и в условиях распростране-

ния COVID-19. Благодаря отсутствию чрезмерных ограничительных мер в виде полномасштабного «пандемийного» локдауна экономика страны не понесла значительных экономических потерь, в отличие от государств, введших жесткие карантинные меры. Спад ВВП во время первой волны у нас был минимальным (0,9% по итогам 2020 г.) относительно других, сопоставимых с нами, стран (7–15%). Именно взвешенная политика системной безопасности, осуществляемая правящими элитами Беларуси, позволила не только удержать летальность от COVID-19 на уровне 1%, но и существенно смягчить экономические последствия сложной эпидемиологической ситуации, что вывело страну в мировые лидеры по эффективности управления экономикой. Кроме того, сам факт поддержания сравнительно высоких темпов экономического роста в условиях пандемии и санкционного давления со стороны недружественных стран говорит о том, что используемые в Республике Беларусь принципы и методы реализации экономической политики представляют собой особую экономическую модель, способную довольно успешно противостоять международному рестрикционизму.

Можно констатировать, что белорусская социально-экономическая модель, вопреки прогнозам многих зарубежных экспертов, оказалась достаточно жизнеспособной и обеспечила республике стабильный экономический рост в течение длительного времени (табл. 2).

Действующая в Беларуси экономическая модель всемерно направлена на экономический рост и способна противостоять глобальным вызовам и угрозам. Так что дискуссия между сторонниками либерально-рыночной доктрины

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Реальные располагаемые денежные доходы населения	103,3	109,6	114,8	117,1
Реальная заработная плата	116,4	124,0	134,8	140,8
Валовой внутренний продукт	103,0	104,4	103,7	106,1
Промышленное производство	111,7	112,8	112,0	119,3
Продукция сельского хозяйства	104,0	107,0	112,1	107,4
Инвестиции в основной капитал	92,0	98,1	92,2	87,1

Таблица 2. Индексы основных социально-экономических показателей развития Республики Беларусь (в процентах к 2015 г.; стоимостные показатели в сопоставимых ценах). Источник: [8]

государственного регулирования под воздействием объективной реальности в виде мировых кризисов постепенно перешла в плоскость обсуждения наиболее эффективных механизмов государственного регулирования и протекционизма. Их необходимость и неизбежность уже мало кем подвергается сомнению. В том числе и в мировом хозяйстве, где отчетливо прослеживается тенденция резкого усиления роли государства в развитии национальных экономик. Не секрет, что даже те западные страны, которые традиционно придерживались либерально-рыночной направленности, активно используют меры поддержки национальных институтов, включая банки и крупных производителей, проводят политику «новой индустриализации», сопровождающуюся многими мерами ограничения конкуренции и целевого протекционизма, особенно в мировой торговле. Все это говорит о том, что выбор политики сильного государства в экономике, сделанный Беларусью в 1994 г., оказался стратегически дальновидным.

Белорусская экономическая модель продемонстрировала свою высокую степень резистентности к различного рода практикам санкционного давления и дискриминации конкурентов на мировых рынках. В частности, за счет переориентации и поддержки экспорта в 2022 г. удалось получить рекордное сальдо внешней торговли (около 4 млрд долл.) [9], увеличить экспорт инвестиционных и потребительских товаров, компенсировать более чем на 85% потери экспорта на рынках недружественных стран. Национальные субъекты хозяйствования продолжали работать, наращивая производственные мощности, что позволило сохранить рентабельность продаж и почти на миллиард рублей увеличить чистую прибыль по сравнению с 2021 г. Но самый важный результат – это то, что население не особо ощутило

на себе последствия санкционного давления, так как реальные располагаемые денежные доходы граждан Республики Беларусь в 2021 г. составили 102,1% по отношению к 2020 г. [9], лишь в последнее время незначительно «просев» по уже известным причинам (январь – февраль 2023 г. – 98,9% к уровню аналогичного периода 2022 г.) [10].

Резюмируя сказанное, можно однозначно утверждать, что белорусская экономическая модель, в которой присутствуют теоретические концепты кейнсианства, неолиберализма и социализма, в целом соответствует национальным интересам, системе ценностей и менталитету белорусского народа. Наука и практика, логика и элементарный здравый смысл подсказывают, что нам во что бы то ни стало необходимо сохранить базовые принципы выбранной модели, но при этом последовательно совершенствовать институциональный и организационно-экономический механизм ее реализации, по мере необходимости адаптируя ее к новым реалиям. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., №415-З: принят Палатой представителей 14 июня 2012 г.: одобрен Советом Республики 22 июня 2012 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300063>.
2. Гранберг А., Суслев В. Межреспубликанские экономические отношения накануне распада СССР // Региональное развитие и сотрудничество. 1997. №5. С. 17–25.
3. 10 лет Содружества Независимых Государств (1991–2000): стат. сб. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2001.
4. Статистика стран мира (Всемирный банк, МВФ, Евростат, ООН) // <https://svs.spb.net/sverige/statistika-stran-mira.php>.
5. Вилисов М. В. Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №3. С. 106–126.
6. Союзное государство: двадцать лет совместного развития // https://postkomsg.com/history/20years_of_union_state/.
7. Коноплев А. Союзное государство: наглядно разбираем в цифрах итоги экономического сотрудничества // <https://1prof.by/news/ekonomika-i-biznes/soyuznoe-gosudarstvo-naglyadno-razbiraem-v-cifrah-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva/>.
8. Беларусь в цифрах: Стат. справочник / Нац. стат. ком-т Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2022.
10. Об уровне денежных доходов населения в январе – феврале 2023 г. // https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatija/novosti/ob_urovne-denezhnykh_dokhodov_naseleniya_v_yanvare-fevrale_2023_g/.